

С.С.Изотов, И.А.Иншаков
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА:
КРИТИКА И РАЗВИТИЕ
ПОДХОДА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ФРАНКЛИНА АНКЕРСМИТА

Сергей Сергеевич Изотов — студент магистерской программы «Прикладная политология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ssizotov@edu.hse.ru.

Илья Александрович Иншаков — преподаватель департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: iinshakov@hse.ru.

Аннотация. Целью статьи является уточнение онтологических оснований политической репрезентации в теории Франклина Анкерсмита в контексте современной дискуссии о кризисе либерально-демократического проекта и политического *reg se*. Занимая в этой дискуссии едва ли не уникальную позицию, Анкерсмит настаивает на присутствии политического в существующих сегодня институтах демократической репрезентации, привлекая для обоснования своей точки зрения инструментарий теории эстетики.

Признавая подход Анкерсмита перспективным направлением рефлексии относительно возможных путей выхода из кризиса политики, С.Изотов и И.Иншаков вместе с тем обращают внимание на присущие ему изъяны, проистекающие из недостаточной концептуальной проработанности его политико-онтологических оснований. Анкерсмит не проясняет, как возникают отношения репрезентации и какие механизмы отвечают за сохранение связи между репрезентантом и репрезентируемым. Опираясь на эстетическую теорию М.Хайдеггера, а также интерпретации общественного договора К.Шмитта, П.Рикера и А.Филиппова авторы высказывают предположение, что в качестве онтологического основания концепции Анкерсмита может быть использована теория общественного договора, и показывают, каким образом эстетический подход к политическому может быть согласован с этой теорией и почему критика Анкерсмита в ее адрес негочна содержательно. Приведенная ими аргументация свидетельствует о том, что теория общественного договора может быть артикулирована в категориях эстетического подхода к политическому и стать его онтологическим фундаментом, снимая

тем самым совокупность вопросов, касающихся происхождения и функционирования отношений репрезентации в обществе.

Ключевые слова: понятие политического, эстетический подход, теория общественного договора, Франклин Анкерсмит

¹ Шмитт 2016.

² Штраус 2000.

³ Арендт 2000.

⁴ Бодрийяр 2000.

⁵ Муффэ 2005.

⁶ Рансьер 2013.

⁷ Фукуяма 1989.

⁸ В настоящей статье мы не вдаемся в тонкости различения политики и политического. Об этом различении в контексте эстетического подхода см. Кукарцева и Дмитриева 2015.

⁹ Анкерсмит 2012, 2014.

¹⁰ См., напр. Арендт 2000; Муффэ 2005; Бенуа 2009; Вадюи, 2011; Рансьер 2013.

¹¹ Горбунова 2014; Львов 2016; Федорченко 2017.

С момента публикации одноименной работы Карла Шмитта¹ полемика вокруг понятия политического утвердилась в качестве ключевого сюжета политической теории XX в. При этом многие авторы разделяют представление о кризисе политического: помимо самого Шмитта о размывании его границ или даже вытеснении писали Лео Штраус², Ханна Арендт³, Жан Бодрийяр⁴, Шанталь Муффэ⁵, Жак Рансьер⁶ и многие другие. В свою очередь, проект либеральной демократии — один из основополагающих политических проектов Современности, возведенный в ранг «конца истории»⁷, — столкнулся с целым рядом вызовов. В их числе и расхождения между частными интересами и публичным благом; и подъем правового популизма; и внешние угрозы вроде терроризма, реакция на которые подрывает основания демократических институтов; и, наконец, утрата монополии либеральной демократии на нормативную универсальность на фоне успешного опыта авторитарной модернизации Южной Кореи, Сингапура, Китая, Тайваня.

Одновременность двух кризисов — демократии и политики как таковой⁸ — заставляет задуматься о связи между ними. Напрашивается вопрос: насколько кризис либерально-демократического проекта может быть адекватно осмыслен в отрыве от рефлексии о кризисе политического *per se*? Одним из наиболее оригинальных ответов на него является попытка теоретического осмысления политического в современной демократии, предпринятая нидерландским философом и историком Франклином Анкерсмитом⁹. В отличие от многих других авторов¹⁰, Анкерсмит не придерживается тезиса о невозможности политического в рамках современного либерально-демократического проекта. Напротив, его подход позволяет обнаружить политическое в существующих сегодня механизмах демократической репрезентации, чему в немалой степени способствует обращение к теории эстетики, ресурсы которой обычно игнорируются исследователями политического. Сочетание этих позиций — утверждение политического в современной демократии без требования ее революционной трансформации и использование в этих целях нетривиального концептуального аппарата — делает подход Анкерсмита перспективным направлением рефлексии относительно возможных путей выхода из кризиса политики. Неудивительно, что переведенная несколько лет назад на русский язык «Эстетическая политика» получила в целом положительные отклики, подчеркивающие ее вклад в понимание современного политического субъекта и процессов политической репрезентации¹¹.

В то же время этот подход не лишен концептуальных изъянов. Анкерсмит не описывает процесс *формирования* отношений репрезентации

в политической сфере и не касается вопроса об их *происхождении* и *возможной иерархии*. Иными словами, остается неясным, какие механизмы в его конструкции отвечают за сохранение связи между репрезентантом и репрезентируемым — идет ли речь о некоей «основной» репрезентации, или гарант этой связи находится за пределами самих отношений репрезентации в обществе. Между тем в отсутствие таких механизмов невозможно обеспечить демократический контроль над политической властью. Точно так же Анкерсмит оставляет без внимания связь между репрезентацией и *интерпретацией* репрезентируемого в реальных политических отношениях. Кроме того, неочевидно, что эстетическое понимание политического как совокупности механизмов репрезентации должно обязательно приводить к поддержке модели представительной демократии в ее современной трактовке¹².

Общим источником этих проблем является недостаточная концептуальная проработанность политико-онтологических оснований подхода Анкерсмита. Это можно считать осознанным решением: занимая позицию историка, Анкерсмит с недоверием относится к онтологической составляющей политических проектов в силу ее абстрактности. Признавая правомочность такой позиции, мы тем не менее полагаем, что вследствие ее принятия многие перечисленные выше аспекты, необходимые для полноценного описания политики в категориях эстетики, оказываются упущены. На наш взгляд, соответствующие онтологические основания для эстетического подхода дает теория общественного договора, в которой сам Анкерсмит ошибочно видит концептуального оппонента¹³. Наша цель состоит в том, чтобы продемонстрировать, каким образом эстетический подход к политическому может быть согласован с теорией общественного договора и почему критика Анкерсмита в ее адрес неоправданна. В первой части статьи мы реконструируем описание Анкерсмитом политики в категориях эстетики и фиксируем присущие этому описанию ограничения. Далее мы приводим аргументы в пользу того, что теория общественного договора также может быть осмыслена в категориях эстетики, и рассматриваем те возможности, которые открывает такое осмысление по сравнению с подходом Анкерсмита. Наконец, в третьей и четвертой частях мы показываем, что критика Анкерсмитом общественного договора неточна содержательно, и вскрываем уязвимость лежащего ее в основе историзма в контексте политико-эстетической проблемы интерпретации.

¹² *Альтернативное представление о роли эстетического в политике см. Малапарте 1998; Молер 2007; Беньямин 2012; Урбинати 2016; иной взгляд на роль «зазора» между гражданами и властью см. Агамбен 2011; важный для Анкерсмита тезис Артура Данто «некто становится носителем имени, когда его называют именем» (Анкерсмит 2014: 67) приобретает противоположный ценностный оттенок в контексте понятия интерпелляции (Альтюссер 2011); наконец, описание Анкерсмитом «пустого центра демократии» само оказывается культурно ограничено опытом японского синтоизма, весьма туманным образом связанного с западными демократиями (см. Каспэ 2016).*

¹³ См. Анкерсмит 2014: 152 и далее.

Политика как эстетика

¹⁴ Там же: 11—12.

Описание политики в категориях эстетики выглядит нетривиальным, но обоснованным ходом благодаря наличию у них общих конституирующих признаков. Во-первых, и в эстетике, и в политике чрезвычайно важную роль играет *репрезентация*¹⁴. Объект искусства с разной степенью достоверности репрезентирует объект действительности; политический актер с не меньшей вариативностью представляет множество других акторов (избирателей, селекторат, группу интересов) или

политический институт (орган власти или государство как таковое). Во-вторых, и эстетику, и политику отличает принципиальный *плюрализм* взглядов, идей и способов их выражения в публичном пространстве¹⁵. Если в измерении этики одновременность взаимоисключающих взглядов невозможна (требуется принять одно верное решение, сама истинность которого не допускает альтернатив), то понимание политики как множественности и даже онтологической несоизмеримости разных взглядов красной нитью проходит сквозь европейскую традицию политического мышления. Аналогичным образом художественное произведение не нуждается в универсальном обосновании, оно может позволить себе существовать в пространстве других, непохожих произведений.

Остановимся подробнее на репрезентации как структурной характеристике эстетики и политики. В сфере политического понятия репрезентации и репрезентативности, безусловно, являются ключевыми для современной *представительной* демократии. Но их действие не ограничивается ее рамками, поскольку требование репрезентативности предъявляется не только к составу парламента, но и, например, к выборке социологических опросов, которые, со своей стороны, оказываются одним из оснований политической власти в режимах плебисцитарного типа¹⁶. Примечательно, что упрек в неспособности адекватно представлять избирателей становится оружием в руках критиков парламентской системы правления¹⁷; и наоборот, фигура лидера, символически сливающегося с представляемым им народом в единое политическое тело, зачастую преподносится как триумф репрезентации «народной воли».

Осознавая эту альтернативу, Анкерсмит предлагает разграничить *эстетическую* и *миметическую теории репрезентации*¹⁸. Идеалом миметической теории является ситуация тождества представителя и представляемого. Репрезентация этого типа опирается на идею общего для всех порядка (политику, основанную на единой этической идее, Анкерсмит называет также *стоицистской*¹⁹). Политически подобная установка проявляется в практиках прямой демократии и тоталитарных режимов (или, по меткому выражению Якоба Талмона, тоталитарной демократии²⁰). В свою очередь, эстетическая теория исходит из того, что «различие между представителем и представляемым лицом, отсутствие их тождества неизбежны в политической репрезентации, как неизбежно и различие между портретом человека и им самим»²¹. Более того, такой «*эстетический зазор*» между гражданином и его представителем в правительственном учреждении не только неизбежен, но и желателен, ибо позволяет избежать директивного нормативного воздействия публичных идеалов на реальную политику, а через нее — на частную жизнь гражданина²².

Помимо его очевидно ценностной природы, проблема этого разделения состоит в том, что структурно оно приводит нас к очередной модели «черного ящика»: существует несколько акторов, между которыми находится не поддающаяся наблюдению область (весьма ограниченной)

¹⁵ Там же: 25, 37–38.

¹⁶ Юдин 2020.

¹⁷ Шмитт 2009.

¹⁸ Анкерсмит 2014: 44–64.

¹⁹ Там же: 48 и далее.

²⁰ Talmon 1952.

²¹ Анкерсмит 2014: 44.

²² Там же: 130.

реализации одними акторами запросов других. Сам Анкерсмит оставляет за скобками обсуждение того, как функционирует данный процесс на разных стадиях. Достаточно ли самого факта голосования для создания устойчивой репрезентации? Трансформируются ли репрезентации со временем? Подлежат ли они интерпретациям, в том числе конфликтным? На каком основании могут разрешаться эти конфликты? На наш взгляд, ответы на все эти вопросы невозможны без обращения к первому из них, которому Анкерсмит склонен уделять наименьшее внимание: где *исток* репрезентаций в политике?

**Исток политики
и исток
художественного
творения**

²³ Ямпольский 2007: 5.

²⁴ Бодрийяр 2015: 8.

²⁵ Рансьер 2007.

²⁶ Агамбен 2011.

²⁷ Канторович 2015.

²⁸ Анкерсмит 2014: 40.

²⁹ Сам термин «общественный договор» гораздо чаще используется им применительно к ситуации «договора» между гражданским обществом и welfare state в XX в. По-разному, что в этом контексте Анкерсмит прямо называет логику общественного договора «эстетической» (Анкерсмит 2014: 235).

³⁰ См. Гоббс 2001: 168 и комментарии по этому поводу в Рикер 2002; Филиппов 2009; Ролз 2010: 24.

³¹ Анкерсмит 2014: 75.

В классическом художественном смысле репрезентация есть *воспроизводство некоего объекта, которое этим объектом не является*; замещение отсутствующего объекта иллюзией, которая не пытается скрыть факт этого отсутствия и выдать свое бытие за бытие объекта²³, что отличает репрезентацию от симуляции²⁴. В таком случае эстетический объект — это объект-фикция, присутствие отсутствующего²⁵.

Механизмы репрезентации обнаруживаются уже в священных ритуалах ранней Римской республики²⁶ и средневековых практиках королевской власти²⁷. Анкерсмит подчеркивает важную преемственность современных демократий с римским стоицизмом и концепциями представительства Средних веков и вместе с тем предлагает сосредоточиться на понятии репрезентации «исключительно с точки зрения, ставшей обычной с начала XVIII века»²⁸, — однако так, что акцент все же смещается к более долгим историческим траекториям. В частности, локусу рождения политической репрезентации в ее современном секуляризованном варианте, *теории общественного договора*, Анкерсмит отводит сравнительно мало места²⁹, воспринимая ее лишь как промежуточную остановку на долгом пути развития неостоицистских взглядов. Если же задержаться на теории общественного договора чуть дольше — чего она, вероятно, заслуживает, — можно ли осмыслить описываемый ею процесс формирования политического сообщества в категориях эстетики?

В политической теории Модерна от Томаса Гоббса до Джона Ролза момент заключения общественного договора предстает неким абсолютным событием, дающим начало политическому организму. Об этом конституирующем акте мы знаем несколько важных вещей. Во-первых, само это событие «виртуально» — мало кто из теоретиков общественного договора всерьез настаивает на его онтологической реальности³⁰. Уже на этом уровне можно зафиксировать: любая фикция, нечто искусственное (то есть *не естественное*, в терминах теории общественного договора) — сродни эстетике. Более того, сам Анкерсмит называет теорию народного суверенитета, во многом выросшую из договорных концепций, «ценной и эффективной фикцией»³¹, но соответствующих выводов из этого не делает.

Во-вторых, создаваемый таким образом политический организм тоже «виртуален» — договорная теория отказывает политическому обществу в возможности других легитимных оснований (например, в виде исповедания общей религии), а ее собственное обоснование черпает силу из акта чистой виртуальности. Из этого вытекает важное свойство данного политического организма, которое особенно ярко отражено у Гоббса. Согласно его знаменитому аргументу, если кто-то захочет усомниться в реальности «войны всех против всех» до момента учреждения государства, то «пусть такой сомневающийся сам поразмыслит над тем обстоятельством, что, отправляясь в путь, он вооружается и старается идти в большой компании; что, отправляясь спать, он запирает двери; что даже в своем доме он запирает ящики, и это тогда, когда он знает, что имеются законы и вооруженные представители власти, готовые отомстить за всякую причиненную ему несправедливость»³². Гражданское состояние всегда содержит в себе «тьму» состояния естественного — и диалектически существует лишь в напряжении его постоянного отрицания. Отсюда, в частности, *смертный страх перед Левиафаном*, зеркально повторяющий *страх смерти от рук ближнего* в естественном состоянии. Иными словами, *гражданское состояние воспроизводит свойства некоторого объекта* (естественного состояния), *не являясь оным*, что открывает в нем эстетическое измерение.

³² Гоббс 2001: 167.

Наиболее отчетливо эстетические коннотации общественного договора видны сквозь призму концепции искусства Мартина Хайдеггера. Свое понимание роли художественного творения он объясняет на примере известной картины Винсента Ван Гога «Башмаки»³³. С одной стороны, *дельность*³⁴ башмаков («то, что́ они суть») раскрывается непосредственно в процессе их использования (например, при работе в поле), причем тем подлиннее, чем меньше мы думаем в это время собственно о башмаках. Однако изображение башмаков (которое признает и учитывает их отсутствие в том месте, где находится само изображение) вызывает широкий ассоциативный ряд, через который у нас возникает представление о рабочем дне и социальном опыте крестьянки, которая их носит, о ее отношениях с «землей» и «миром». С точки зрения Хайдеггера, речь идет отнюдь не о чисто субъективных описаниях; напротив, благодаря художественному творению мы познаем подлинную дельность изделия. Так на первый план выступает *истина*, которую Хайдеггер трактует как «несокрытость» (*ἀλήθεια*). «Несокрытость» не означает полной видимости и ясности объекта, она лишь указывает на его присутствие, не раскрывая его полностью³⁵. Само это присутствие передается через отрицание.

³³ Хайдеггер 2008: 115—123.

³⁴ Концепт, восходящий к древнегреческому понятию *τέχνη*.

³⁵ Там же: 157.

Какое отношение это имеет к политике? Перечисляя способы устройства истины в сущем, Хайдеггер прямо говорит: «другой способ, каким бытует истина, есть деяние, закладывающее основы государства»³⁶. Тем самым проводится прямая параллель между истоком художественного творения и началом политического сообщества, поскольку оба они отсылают к истине как несокрытости. Подобно тому

³⁶ Там же: 181.

как картина Ван Гога позволяет нам узнать нечто о башмаках, обращение к истоку политики позволяет обнаружить не сокрытую более от нас природу нашего политического единства. Это наблюдение побуждает нас сделать вывод, от которого Анкерсмит предпочитает дистанцироваться: *само понятие гражданина уже есть репрезентация*, возникшая в ходе договора, и это первая из политических репрезентаций, на которой только и могут базироваться остальные (репрезентации как избирателя, члена партии или профсоюза, солдата национальной армии и т.д.). Разумеется, акт договора остается виртуальным. Речь идет о ретроспективном восприятии человеком себя в качестве структурной единицы политического организма.

Индивидуальная и коллективная репрезентация

На взгляд Анкерсмита, порочность приведенного вывода состоит в том, что акцент на репрезентации человека как гражданина с необходимостью требует перехода от анализа отношений репрезентации между двумя конкретными акторами к разговору о коллективной репрезентации, которую олицетворяет государство *per se*. Действительно, вне Левиафана гражданство/подданство невозможно. Как отмечает Александр Филиппов, комментируя Гоббса, действовать от чьего-либо лица (юридическое отношение) одновременно означает его персонифицировать (сценическое представление). Таким образом, «общественный договор — это поручение персонифицировать всех, кто его заключил»³⁷, на политической сцене. Именно поэтому каждое действие Левиафана оказывается авторизовано каждым из граждан.

³⁷ Филиппов 2016: 26.

Подобный коллективный характер репрезентации, предлагаемый теорией общественного договора, противоречит, по мнению Анкерсмита, возможности создания «эстетического зазора» между представителем и представляемым. Здесь важно уточнить, что Анкерсмит выступает с методологической позиции историка, вводя понятие репрезентации в качестве способа соотнесения истории и политики³⁸. Именно с этой позиции он критикует теорию общественного договора, в первую очередь в ее ролзовской интерпретации, за кантианский универсализм и антиисторизм³⁹. Внеконтекстуальному и абстрактному мышлению Ролза, отбрасывающему повседневность во всем многообразии ее деталей, Анкерсмит противопоставляет историцистский путь индукции, фиксирующий социальные условия конкретной эпохи. В противном случае либерализм, с его точки зрения, опасно близко подходит к стоицистскому диктату универсальной идеи.

³⁸ «Я без колебания отдаю истории определенный приоритет... Поскольку история не совместима с секретностью, она предлагает лучшую платформу для подобной [демократической] дискуссии, чем другие дисциплины» (Анкерсмит 2012: 132).

³⁹ Анкерсмит 2014: 315–317.

⁴⁰ Там же: 18–20.

Примечательно, что, противопоставляя Ролза классикам общественного договора (Гоббсу, Джону Локку, Жан-Жаку Руссо), Анкерсмит ссылается на сообразность содержания их трактатов сложившимся вокруг них историческим условиям⁴⁰. Однако такой аргумент, как нам кажется, не может служить мостом между эстетическим подходом Анкерсмита и теорией общественного договора. Видеть в построениях классиков описание конкретных исторических фактов, повторим, —

крайне спорная интерпретация идеи общественного договора. Если же, как это более осторожно делает Анкерсмит, говорить о зависимости идей от социального контекста в принципе, то Ролз ничуть не менее «контекстуален», чем любой из его предшественников, что может засвидетельствовать социология знания.

Более того, применительно к предмету нашего обсуждения — эстетической концептуализации общественного договора — «контекстуальность» того же Гоббса оказывается весьма двойственной. С одной стороны, как подчеркивает Карл Шмитт, необходимо принимать во внимание, что понятия механизма, организма и произведения искусства у Гоббса еще не разделены и объединяются «в понятии машины как продукта высшей творческой способности человека», поскольку для их разграничения понадобится еще столетие⁴¹. С другой стороны, историческая локализованность мышления Гоббса не мешает ему стать ключевым звеном «в великом четырехвековом процессе» нейтрализации государства и превращения его в технический инструмент, который так тревожит самого Шмитта⁴². Как следствие, шмиттовская интерпретация Гоббса приводит нас к двойному выводу: государство — это, среди прочего, результат творческих усилий и произведение искусства, но в конечном итоге оно не содержит в себе никакой стоицистской идеи, обеспечивающей возможность мимезиса. Оно *нейтрально* в специфически шмиттовском смысле: нейтральность государства означает признание значимости общественной жизни *per se* и вытекающее отсюда невмешательство в нее⁴³. Подобным образом понятая нейтральность почти тождественна «эстетическому зазору» Анкерсмита. Яростная критика импликаций договорной идеи со стороны одного из апологетов тотального государства демонстрирует ее несовместимость с любыми формами тотального/тоталитарного мимезиса лучше, чем любые аргументы из лагеря адептов общественного договора.

Другими словами, даже если принять анкерсмитовское разделение на эстетический и миметический способы репрезентации, оставив за скобками его нормативную нагруженность, теория общественного договора не противоречит эстетической концепции политики. Вместе с тем она и не ведет с необходимостью к либерально-демократическим выводам, что хорошо видно на примере Гоббса. Общественный договор — это творческий акт создания *коллективной репрезентации*, которая становится обязательным условием *репрезентаций индивидуальных*. Дальнейшее сопряжение этих двух уровней — отдельный вопрос, зависящий от институциональной специфики политического режима. В противном случае мы будем обречены двигаться по замкнутому концептуальному кругу, как это происходит с Анкерсмитом, когда он утверждает, что легитимная политическая власть не исходит от одной из сторон репрезентации (народа или управляющих), но возникает из «эстетического зазора» *между* ними, а точнее, проистекает «из решения народа позволить всей своей совокупности разделиться на представителей и представляемых лиц»⁴⁴. Но откуда тогда берется «народ»,

⁴¹ Шмитт 2006: 164.

⁴² Там же: 24.

⁴³ Voegelin 1984: 38—41.

⁴⁴ Анкерсмит 2014: 70.

подверженный этому митозу? Ведь тот же Анкерсмит критикует миметическую теорию как раз за стоицистскую веру в наличие некоей заранее данной для представления объективной реальности и, опираясь на теорию социологических опросов, настаивает, что эта «объективная» реальность возникает *только благодаря* ее представлению (как образ ландшафта возникает в произведении художника)⁴⁵. Каким образом народ может принять конститутивное для отношений репрезентации *решение*, если полноценное политическое качество он обретает только *post factum* этих отношений? Именно принятие эстетической концепцией политической онтологии договорной теории позволяет нам вырваться из замкнутого круга.

⁴⁵ Там же: 57—59.

История репрезентаций и интерпретация истории

Момент заключения договора и создаваемое тем самым политическое сообщество по-прежнему остаются виртуальными, но формируют отношения репрезентации, реальные по своим юридическим и политическим последствиям. Поль Рикер обращает внимание на еще одну специфическую грань этого процесса — принципиальную ценность *равенства участников*⁴⁶. Даже если они равны не во всем, конституирующими для договора признаются именно те их характеристики, в которых условие равенства выполняется (например, у Гоббса это взаимная возможность убийства, нивелирующая различия в силе, уме, уже присвоенных ресурсах и т.д.). Равенство в момент договора оказывается скрытой стороной атрибутов неравенства в гражданском состоянии. Элементы неравенства между участниками признаются ими постольку, поскольку они продолжают считать себя членами одного политического сообщества. Иначе мы имеем дело с внутренним разломом, делящим сообщество на политически бытийствующий народ и исключенное из него меньшинство⁴⁷; либо, говоря более прозаично, с опытом сословного общества⁴⁸, далекого от анкерсмитовского идеала либеральной демократии.

⁴⁶ Рикер 2002: 292.

⁴⁷ Агамбен 2011: 223—229.

⁴⁸ Кордонский 2008.

⁴⁹ *Перформативной в том же смысле, в каком, например, писсуар Марселя Дюшана становится объектом искусства в силу фрейма музея (в нашем случае — медиа) и манифестации художника (желания властей сделать именно то, а не иное предметом политики для всех нас).*

⁵⁰ Анкерсмит 2014: 22.

⁵¹ Рикер 2002: 288—289.

Сказанное касается и отношений между гражданами и избранными властями. Как можно гарантировать не миметическое тождество, но минимальную связанность между мнениями представителей и представляемых? Подход Анкерсмита не объясняет, почему «эстетический зазор» между властью и гражданами не может обернуться «перформативной изоляцией» первой от требований вторых⁴⁹. Ведь автономия политики, на которой настаивает Анкерсмит, подчеркивая ее парадоксальную природу⁵⁰, на самом деле лишь *одна* сторона политического парадокса, второй стороной которого является склонность политики к специфическим видам зла⁵¹. Из этого парадокса Рикер выводит заключение о контроле над властью как центральной (и все еще не решенной) политической проблеме. Анкерсмит по умолчанию рассматривает политический контроль как достоинство эстетической репрезентации и снимает вопрос о нем тавтологичной ссылкой на Ханну Питкин: данная опасность «отвергается указанием на то, что

⁵² Анкерсмит 2014: 63.

представитель подотчетен избирателям, которые требуют, чтобы он был ответственен перед теми, кто его выбрал⁵². Механизмы обеспечения этого, похоже, считаются самоочевидными. Между тем в критикуемой Анкерсмитом за философскую абстрактность теории Ролза предусмотрено право представляемых на гражданское неповиновение, причем основанием для него снова оказывается разновидность общественного договора⁵³.

⁵³ Ролз 2010: 319—342.

⁵⁴ Рикер 2002: 293.

Разумеется, к этому ключевому допущению о равенстве в момент договора можно отнестись критически, что делает сам Рикер, полагая лицемерным выдвижение на первый план равенства перед законом на фоне реальной экономической эксплуатации⁵⁴. Но это лишь повышает актуальность вопроса о том, что позволяет сообществу продолжать осознавать себя в качестве такового. Если государство аналогично производству искусства, то политические события нуждаются в *интерпретации* так же, как и художественные творения. Каков механизм этой интерпретации, позволяющий указать на хайдеггеровскую истину политики как «несокрытость»?

⁵⁵ Рикер 2000.

Во «Времени и рассказе» Рикер отмечает, что рассказ изменяет временной регистр: рассказывая, мы формируем воображаемое время⁵⁵. В случае политического сообщества его рассказом о себе оказывается *история*. С точки зрения Рикера, иллюстрацией здесь может служить пример Израиля, историческая идентичность которого была обретена в ходе работы по *перетолкованию* собственных традиций и реального опыта амфикистии отдельных кланов: «Только истолковывая собственную историю исторически, разрабатывая ее как живую традицию, Израиль смог спроецировать себя в прошлое как единый народ»⁵⁶. Нечто подобное, как нам кажется, имеет в виду и Филиппов, говоря о гоббсовской «идеальной» (курсив наш. — Авт.) истории возникновения государства в противовес «реальной истории» в штрауссианской интерпретации Гоббса⁵⁷.

⁵⁶ Рикер 1995: 93.

⁵⁷ Филиппов 2009: 108—111.

⁵⁸ Анкерсмит 2012: 9—10.

Таким образом, не эстетическая политика в рамках теории общественного договора неисторична, а конструирование истории имеет эстетический, художественный параметр — на этом настаивает и сам Анкерсмит⁵⁸. Но это означает, среди прочего, что история появляется ретроспективно, в процессе своего «проговаривания» и превращения в «нарратив» и тем самым создает *общее пространство для интерпретаций политики в настоящем*. Основанием же для этих интерпретаций становится *указание на изначальное равенство и общность участников сообщества*, хайдеггеровский «исток политики». Иллюстрацией обратной ситуации служит так называемый «кризис беженцев» в Европе. Не будучи погружены в процесс имплицитного проговаривания общего нарратива, беженцы лишены возможности быть участниками коллективной репрезентации, вне которой, в свою очередь, подвергаются искажению их индивидуальные репрезентации⁵⁹.

⁵⁹ Схожим образом Рансер объясняет, например, всплеск ксенофобии во Франции (Рансер 2006: 109).

Отрицая коллективные формы репрезентации, Анкерсмит утрачивает возможность зафиксировать поле развертывания политического.

Что отличает публичное поле Франции от публичного поля Германии? Историст ответит, что это определяется многими факторами, связанными с завоеваниями, переселениями, экономическим развитием и т.д. Но почему, говоря об этих процессах, мы предварительно понимаем их территориальные и культурно-социальные границы? Потому что история репрезентируется в настоящем членами политического сообщества. История здесь оказывается не методологическим инструментом в руках внешнего наблюдателя, а элементом коллективной репрезентации и интерпретации.

* * *

Итак, как мы постарались показать выше, теория общественного договора может быть артикулирована в категориях эстетического подхода к политическому и стать его онтологическим фундаментом, снимая таким образом ряд вопросов, касающихся происхождения и функционирования отношений репрезентации в обществе. Но платой за союз с теорией общественного договора должен стать отказ от представлений об однозначной связи эстетического подхода к политическому с либерально-демократическими установками, поскольку сама по себе теория общественного договора не ведет к ним с логической необходимостью.

Однако мы видим в этом не столько изъян, сколько преимущество эстетического подхода, позволяющее ему критически взглянуть на проблемы современной либеральной демократии. Следующим шагом в этом направлении, с нашей точки зрения, должно стать построение генеалогии современного политического/эстетического субъекта, по всей видимости распадающегося на «художника» и «зрителя». Если это предположение верно, то эстетический подход к рефлексии о поведении сторон в политике поможет лучше понять, к примеру, природу таких явлений, как символическое насилие террориста и подъем правового популизма, шокирующих и тем самым мобилизующих «зрителя», в обычной ситуации удаленного от сцены политического. Эстетический подход к описанию современной политики еще ждет постановки своих новых актов.

Библиография

- Агамбен Дж. (2011) *Ното sacer: Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Альтюссер Л. (2011) «Идеология и идеологические аппараты государства» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 3: 14–58.
- Анкерсмит Ф. (2012) *Политическая репрезентация*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Анкерсмит Ф. (2014) *Эстетическая политика: Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя. URL: <https://www.pseudology.org/evrei/arendtvitaactiva.pdf> (проверено 20.02.2021).

Бенуа А. де. (2009) *Против либерализма: К четвертой политической теории*. СПб.: Амфора. URL: http://books.4pt.su/sites/default/files/pdf/benua_protiv_liberalizma_84x108.pdf (проверено 20.02.2021).

Беньямин В. (2012) «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» // Беньямин В. *Учение о подобии: Медиа-эстетические произведения*. М.: РГГУ: 190—234.

Бодрийяр Ж. (2000) *Прозрачность зла*. М.: Добросвет.

Бодрийяр Ж. (2015) *Симулякры и симуляции*. М.: Постум.

Гоббс Т. (2001) *Левиафан*. М.: Мысль.

Горбунова А. (2014) «Политическая Discordia» // *Гедфтер*, 3.09. URL: <http://gefter.ru/archive/12924> (проверено 20.02.2021).

Канторович Э. (2015) *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Каспэ С.И. (2016) «Пустое место: демократия как политическая форма» // *Полития*, № 2 (81): 6—32. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/770.pdf> (проверено 20.02.2021).

Кордонский С.Г. (2008) *Словная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Кукарцева М.А. и И.А.Дмитриева. (2015) «Политическое как эстетическое» // *Вопросы философии*, № 7: 7—17.

Львов А. (2016) «Эстетическая политика как альтернатива и рекем по политическому эстетизму» // *Логос*, т. 26, № 1: 142—148. URL: http://logosjournal.ru/arch/85/110_15.pdf (проверено 20.02.2021).

Малапарте К. (1998) *Техника государственного переворота*. М.: Аграф. URL: <https://stockmagia.ru/wp-content/uploads/2020/11/Malaparthe-Kurcio-Tekhnika-Gosudarstvennogo-Perevorota-1931.pdf> (проверено 20.02.2021).

Молер А. (2007) *Фашизм как стиль*. Новгород: Толерантность.

Рансьер Ж. (2006) *На краю политического*. М.: Праксис. URL: http://rebels-library.org/files/rancier_na_kraju.pdf (проверено 20.02.2021).

Рансьер Ж. (2007) *Разделяя чувственное*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Рансьер Ж. (2013) *Несогласие: Политика и философия*. СПб.: Machina. URL: http://rebels-library.org/files/rancier_nesoglasje.pdf (проверено 20.02.2021).

Рикёр П. (1995) *Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

Рикёр П. (2000) *Время и рассказ*. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; СПб.: Культурная инициатива.

Рикёр П. (2002) «Политический парадокс» // Рикёр П. *История и истина*. СПб.: Алетейя: 287—315.

Ролз Дж. (2010) *Теория справедливости*. М.: ЛКИ.

- Урбинати Н. (2016) *Искаженная демократия: Мнение, истина и народ*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Федорченко С.Н. (2017) «Эстетический подход в политической теории» // *Журнал политических исследований*, т. 1, № 4: 144—164.
- Филиппов А.Ф. (2009) «Актуальность философии Гоббса. Статья первая» // *Социологическое обозрение*, т. 8, № 3: 102—122.
- Филиппов А.Ф. (2016) «Левиафан: между ужасом и признанием» // *Вестник Европы*, № 44—45: 21—28.
- Хайдеггер М. (2008) «Исток художественного творения» // Хайдеггер М. *Исток художественного творения: Избранные работы разных лет*. М.: Академический проект: 76—237.
- Шмитт К. (2006) *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. СПб.: Владимир Даль.
- Шмитт К. (2009) «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» // *Социологическое обозрение*, т. 8, № 2: 6—16. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211853314/8_2_2.pdf (проверено 20.02.2021).
- Шмитт К. (2016) *Понятие политического*. СПб.: Наука.
- Штраус Л. (2000) *Введение в политическую философию*. М.: Логос; Праксис.
- Юдин Г. (2020) *Общественное мнение, или Власть цифр*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Ямпольский М. (2007) *Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре*. М.: Новое литературное обозрение.
- Badiou A. (2011) «The Democratic Emblem» // Agamben G., A.Badiou, D.Bensaïd, W.Brown, J.-L.Nancy, J.Rancière, K.Ross, S.Žižek, and W.McCuaig. *Democracy in What State?* New York: Columbia University Press: 6—15.
- Fukuyama F. (1989) «The End of History?» // *The National Interest*, Summer. URL: https://www.embl.de/aboutus/science_society/discussion/discussion_2006/ref1-22june06.pdf (accessed on 20.02.2021).
- Mouffe C. (2005) *On the Political*. London, New York: Routledge.
- Talmon J.L. (1952) *The Origins of Totalitarian Democracy*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Voegelin E. (1984) *The Collected Works of Eric Voegelin. Vol. 4: The Authoritarian State. An Essay on the Problem of the Austrian State*. Columbia, London: University of Missouri Press.

S.S.Izotov, I.A.Inshakov
**AESTHETIC DIMENSION
 OF SOCIAL CONTRACT:
 CRITICISM AND DEVELOPMENT
 OF FRANKLIN ANKERSMIT'S APPROACH
 TO THE POLITICAL**

Sergey S. Izotov — MA Student in the Program “Applied Politics”, HSE University. Email: ssizotov@edu.hse.ru.

Ilya A. Inshakov — Lecturer at the School of Politics and Governance, HSE University. Email: iinshakov@hse.ru.

Abstract. The aim of the article is to clarify the ontological foundations of the political representation within Franklin Ankersmit's theory in the context of the modern discussion about the crisis of the liberal-democratic project and the political per se. Taking an almost unique position in this discussion, Ankersmit insists on the presence of the political in the contemporary institutions of democratic representation, resorting to the tools of the theory of aesthetics to justify his viewpoint.

The authors recognize Ankersmit's approach as a promising direction of the reflection on possible ways out of the political crisis, but at the same time they draw attention to its inherent flaws arising from the insufficient conceptual elaboration of its political and ontological foundations. Ankersmit does not clarify how representational relationships arise and what mechanisms are responsible for maintaining the connection between the representative and the represented. Based on the aesthetic theory of Martin Heidegger, as well as the interpretations of the social contract by Carl Schmitt, Paul Ricœur and Alexander Filippov, the authors suggest that the theory of social contract can be used as an ontological basis for Ankersmit's concept, and show how the aesthetic approach to the political can be harmonized with this theory and why Ankersmit's criticism of this theory is substantively inaccurate. The authors' arguments demonstrate that the theory of social contract can be articulated in the categories of an aesthetic approach to the political and become its ontological foundation, thereby resolving certain concerns about the origin and functioning of the relations of representation in the society.

Keywords: concept of the political, aesthetic approach, theory of social contract, Franklin Ankersmit

References

- Agamben G. (2011) *Homo sacer: Suverennaja vlast' i golaja zhizn'* [Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Althusser L. (2011) “*Ideologija i ideologicheskie apparaty gosudarstva*” [Idéologie et appareils idéologiques d’Etat] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 3: 14–58. (In Russ.)
- Ankersmit F. (2012) *Politicheskaja reprezentatsija* [Political Representation]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Ankersmit F. (2014) *Esteticheskaja politika: Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics: Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni* [The Human Condition]. St Petersburg: Aletheia. URL: <https://www.pseudology.org/evrei/arendtvitaactiva.pdf> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Badiou A. (2011) “The Democratic Emblem” // Agamben G., A.Badiou, D.Bensaïd, W.Brown, J.-L.Nancy, J.Rancière, K.Ross, S.Žižek, and W.McCuaig. *Democracy in What State?* New York: Columbia University Press: 6–15.
- Baudrillard J. (2000) *Prozrachnost' zla* [La transparence du mal]. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2015) *Simuljakry i simuljatsii* [Simulacres et simulation]. Moscow: Postum. (In Russ.)
- Benjamin W. (2012) “Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodivosti” [Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit] // Benjamin W. *Uchenie o podobii: Mediaesteticheskie proizvedenija* [Lehre vom ähnlichen: Medienästhetische Schriften]. Moscow: RGGU: 190–234. (In Russ.)
- Benoist A. de. (2009) *Protiv liberalizma: K chetvertoj politicheskoy teorii* [Contre le libéralisme]. St Petersburg: Amfora. URL: http://books.4pt.su/sites/default/files/pdf/benua_protiv_liberalizma_84x108.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Fedorchenko S.N. (2017) “Esteticheskij podkhod v politicheskoy teorii” [Aesthetic Approach to Political Theory] // *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Studies], vol. 1, no. 4: 144–164. (In Russ.)
- Filippov A.F. (2009) “Aktual'nost' filosofii Gobbsa. Stat'ja pervaja” [Relevancy of Thomas Hobbes' Philosophy (I)] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 8, no. 3: 102–122. (In Russ.)
- Filippov A.F. (2016) “Leviafan: mezhdou uzhasom i priznaniem” [Leviathan: Between Horror and Confession] // *Vestnik Evropy* [The Herald of Europe], no. 44–45: 21–28. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1989) “The End of History?” // *The National Interest*, Summer. URL: https://www.embl.de/aboutus/science_society/discussion/discussion_2006/ref1-22june06.pdf (accessed on 20.02.2021).
- Gorbunova A. (2014) “Politicheskaja Discordia” [Political Discordia] // *Gefter*, 3.09. URL: <http://gefter.ru/archive/12924> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)

- Heidegger M. (2008) “Istok khudozhestvennogo tvoreniia” [Ursprung des Kunstwerkes] // Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniia: Izbrannye raboty raznykh let* [The Origin of the Work of Art: Selected Works of Different Years]. Moscow: Akademicheskij proekt: 76—237. (In Russ.)
- Hobbes T. (2001) *Leviatan* [Leviathan or The Matter, Forme, and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow: Mysl’. (In Russ.)
- Iampolski M. (2007) *Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii, ili O material’nom i ideal’nom v kul’ture* [Weaver and Visionary: Essays on the History of Representation or About the Material and Ideal in Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Kantorowicz E. (2015) *Dva tela korolja: Issledovanie po srednevekovoj politicheskoi teologii* [The King’s Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Kaspe S. (2016) “Pustoe mesto: demokratija kak politicheskaja forma” [Empty Space: Democracy as Political Form] // *Politeia*, no. 2 (81): 6—32. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/770.pdf> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaja struktura postsovsjetsoj Rossii* [Estate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)
- Kukartseva M.A. and I.A.Dmitrieva. (2015) “Politicheskoe kak esteticheskoe” [Political as Aesthetic] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 7: 7—17. (In Russ.)
- Lvov A. (2016) “Esteticheskaja politika kak al’ternativa i rekviev po politicheskomu estetizmu” [Aesthetic Politics as an Alternative and a Requiem for Political Aestheticism] // *Logos*, vol. 26, no. 1: 142—148. URL: http://logosjournal.ru/arch/85/110_15.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Malaparte K. (1998) *Tekhnika gosudarstvennogo perevorota* [Technique du coup d’Etat]. Moscow: Agraf. URL: <https://stockmagia.ru/wp-content/uploads/2020/11/Malaparte-Kurcio-Tekhnika-Gosudarstvennogo-Perevorota-1931.pdf> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Mohler A. (2007) *Fashizm kak stil’* [Der faschistische Stil]. Novgorod: Tolerantnost’. (In Russ.)
- Mouffe C. (2005) *On the Political*. London, New York: Routledge.
- Rancière J. (2006) *Na kraju politicheskogo* [Aux bords du politique]. Moscow: Praksis. URL: http://rebels-library.org/files/rancier_na_kraju.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Rancière J. (2007) *Razdeljaja chuvstvennoe* [Le partage du sensible]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
- Rancière J. (2013) *Nesoglasie: Politika i filosofija* [La mécontente: politique et philosophie]. St Petersburg: Machina. URL: http://rebels-library.org/files/rancier_nesoglasie.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Rawls J. (2010) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: LKI. (In Russ.)
- Ricœur P. (1995) *Konflikt interpretatsij: Ocherki o germenевtike* [Le conflit des interprétations: Essais d’herméneutique]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)

- Ricœur P. (2000) *Vremja i rasskaz* [Temps et récit]. Moscow: TsGNII INION RAN; St Petersburg: Kul'turnaja initsiativa. (In Russ.)
- Ricœur P. (2002) "Politicheskij paradoks" [Les paradoxes du politique] // Ricœur P. *Istorija i istina* [Histoire et vérité]. St Petersburg: Aletheia: 287—315. (In Russ.)
- Schmitt C. (2006) *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Schmitt C. (2009) "Dukhovno-istoricheskoe sostojanie sovremennogo parlamentarizma" [Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 8, no. 2: 6—16. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211853314/8_2_2.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Schmitt C. (2016) *Ponjatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Strauss L. (2000) *Vvedenie v politicheskiju filosofiju* [Introduction to Political Philosophy]. Moscow: Logos; Praxis. (In Russ.)
- Talmon J.L. (1952) *The Origins of Totalitarian Democracy*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Urbinati N. (2016) *Iskazhennaja demokratija: Mnenie, istina i narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Voegelin E. (1984) *The Collected Works of Eric Voegelin. Vol. 4: The Authoritarian State. An Essay on the Problem of the Austrian State*. Columbia, London: University of Missouri Press.
- Yudin G. (2020) *Obshchestvennoe mnenie, ili Vlast' tsifr* [Public Opinion or the Power of Numbers]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)